

скорѣе обогатиться и безцеремонно хваставшая передъ знакомыми умѣньемъ „общипывать курицу“ (*plumer la poule*). До нея можно было доходить окольнымъ путемъ, черезъ одного книгопродавца, который принималъ и передавалъ деньги. Бомарше усиленно домогался свиданія съ Гэтцманномъ; но неумолимый привратникъ давалъ ему шесть разъ въ теченіе двухъ дней одинъ отвѣтъ: Гэтцманна нѣтъ дома, и неизвѣстно, когда онъ вернется. Пришлось купить аудіенцію; собрано сто лудировъ, книгопродавецъ - передатчикъ Lejaу пущенъ въ ходъ, и въ два приѣма снесъ эти деньги; свиданіе, наконецъ, состоялось, полное усовѣщиваній съ одной стороны, хитрыхъ увертокъ съ другой. Но вторую аудіенцію нужно было опять покупать; Бомарше посылаетъ часы, осыпанные брилліантами; ихъ берутъ, но требуютъ еще 15 лудировъ „для секретаря“, обѣщая все вернуть, если свиданіе почему-нибудь не состоится. Все выплачено, но проситель опять видитъ лишь суроваго привратника съ тѣмъ же безнадежнымъ отвѣтомъ. Онъ догадывается, что противная сторона не въ примѣръ больше сорила деньгами, ждетъ худшаго, и на другой же день узнаетъ, что судъ, не признавъ прямо подлога, отвергъ его прошеніе, приговорилъ уплатить Лаблашу 56.000 франковъ и покрыть значительныя судебныя издержки; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ него потребовали крупную сумму за содержаніе въ тюрьмѣ, гдѣ, по его словамъ, „онъ былъ снабженъ всѣмъ, кромѣ самаго необходимаго“. Наличныхъ денегъ не нашлось; описали все имущество, выброшена была тѣнь на честность, опозорено доброе имя. На баловня судьбы обрушивались заразъ всѣ бѣды.

На кого ему было опереться? На короля? Но не онъ ли только-что бросилъ его, безвиннаго, въ тюрьму... Принцессы давно отвернулись отъ человѣка, который слишкомъ много заставлялъ о себѣ говорить и могъ вредить имъ своею близостью. Знать вся была противъ него; періодической печати почти не было; судебная гласность была немыслима. Тутъ въ Бомарше сверкнуло отчаянное, героическое рѣшеніе; онъ сдѣлалъ своимъ судьей общественное мнѣніе, давно уже глухо волновавшееся, нуждаясь въ осязательномъ поводѣ, чтобъ свести счеты съ старымъ порядкомъ. Подобно Вольтеру въ дѣлахъ Каласа и Сирвена, Бомарше далъ этотъ поводъ, и знаменитые вскорѣ „Мемуары“ его противъ Гэтцманна и его сообщниковъ превратились изъ защитительнаго документа по частному процессу во всенародное дѣло.

Не даромъ остряки впоследствии находили, играя словами, что если Louis Quinze устроилъ парламентъ, то quinze louis уни-